

«Я ЖИВ..»

Я ВЫСТОЮ

В последний день 1852 года А. И. Герцен писал своим неизменным московским друзьям — Сергею Ивановичу и Татьяне Алексеевне Астраховым: «Я жив, сильные мышцы вынесли, живу для детей, но и еще для памяти былого, для того, что я один могу о нем свидетельствовать. Вы не знаете ни что я нес, ни сколько вынес, — но гордо скажу: Je m'en maintiendrai».

№ 107, некий господин Клод запечатлел незнакомца, похоже, приезжего (явно не лавившего с английским языком), усадив его в привычную «фотографическую» позу. Герцен — в темном расстегнутом сюртуке, светлых брюках; правую руку положил на колено. Кажущееся спокойствие остановленного мгновения. Выдают глаза...

Фото вправили в кожаный коричневый футляр, сохранивший марку фотографии и ее адрес. По этим деталям и уточнена датировка редкого портрета.

из разноликого яковлевского клана. Например, отца, «дергерра», прозванного домашними «господином» на немецкий манер.

КСТАТИ

О «ДЕРГЕРРОВСКИХ»

РАБОТАХ..

О портретах родителей, писанных маслом крепостным живописцем Яковлевым И. З. Летуновым, Герцен вспомнил летом 1854 года: он их оставил в сво-

знакомой, непонятной ей России, и он — «воспитанник», незаконный, рано осознавший свое странное положение в этом мире.

Портретами Герцен очень дорожил, расстался с ними в 1863 году неохотно: «Одной вещи будет всего жалче, если погибнет, — Тата (старшая дочь Герцена. — И. Ж.) просила портреты Изабеллы Ал^{ексеевны} и Мам^{еньки} — я их послал».

Известный знаток герценовской иконографии Н. П. Андиферов свидетельствовал, что с этих

нарда Карловича г-жа Эва Рист передала его последнюю волю. Портреты, отсутствовавшие в Москве более 120 лет, должны вернуться на родину. В путь отправился и портрет Натальи Александровны, прежде известный в копии, — холст художника К. Рейхеля 1842 года.

ОСКОЛКИ БЫЛОГО

В герценовской семье придавали особое, «магическое» значение вещам. На вещи смотрели как на свидетелей пережитого, воплощение памяти.

биона задолго до приезда туда его сына. Затерялась и зафиксированная в переносе «браслет гладкая, маленькая, серебряная» с надписью внутри по-французски: «Лиза — 8 мая 1843, 1844, 1845, 1846». Е. С. Некрасова поясняет: «Возможно, что это подарила Е. Б. Грановской (жены историка. — И. Ж.). Тогда ей не было известно письмо к Астраховым, отправленное Герценом в Москву в конце мая 1847 года, где старых друзей уверяли в скорой встрече «дома» и рассказывали о памятном для них всех дне 8 мая — годовщине

ристокского альманаха «Полярная звезда», сохранявшаяся у Герцена во все времена. Вещи-символы передают в семье из поколения в поколение, расстаться с ними непросто. Но решение Натальи Петровны было, как всегда, неизменным — в музей. Щедрость ее даров нельзя измерить.

Итак, вещи, портреты постепенно обретали свое место на Сивцевом Вражке. А книги? А бумаги?

ЕЩЕ О БИБЛИОТЕКЕ ПИСАТЕЛЯ

Открытием в начале 1967 года в швейцарском городке Аарау немалой части герценовских книг, переданных дальней наследницей Николая Герцена-внука в Публичную и Университетскую библиотеку в Женеве, вопрос о судьбе книжного собрания Герцена негласно прояснился. Но задача полной реконструкции герценовской библиотеки, круга чтения Герцена и его семьи осталась. Важность ее, в частности, в перспективе открытия новых связей Герцена с деятелями культуры и освободительного движения России и Запада.

В письмах к верной «связной» М. К. Рейхель повторяется просьба о присылке русских книг, в частности из библиотеки, оставленной на Сивцевом Вражке. Вот наказ Петруше Захарьину, брату Н. А. Герцена: «...прошу... сыскать в моей библиотеке сочинения Пушкина все томы, соч. Лермонтова, 1 и 2 часть, и Кольцова, «Мертвые души» Гоголя и все его сочинения, сделать из этого тьюк, свозить в таможенно и отправить в Цюрих...»

Но Герцену нужны и новые книги, новые журналы. Он не устает дивиться мощному движению русской литературы, внимательно следит за развитием ее талантов.

Парадоксально, что книги, ушедшие из его рук, подаренные им детям, близким, друзьям, надписанные им, сохранились в большем количестве, нежели книги, собранные им самим или полученные в подарок. Конечно, не каждый год ставит на полку герценовской библиотеки новые тома, но пополняется она неуклонно. Памятен научный резонанс, вызванный возвращением из-за рубежа диссертации Н. Г. Чернышевского «Эстетические отношения искусства к действительности» с надписью: «Александр Иванович Герцену с благоговением подносит автор». Недавно герценовская библиотека на Сивцевом Вражке пополнилась еще одной кни-

гой, о которой хочется рассказать особо. Это — «Биографии живописцев, скульпторов и архитекторов, составленные Мессэром Джорджием Вазари и переведенные на русский язык живописцем Михаилом Железновым», ч. I, Лейпциг, 1864 г. На титульном листе две дарственные надписи: справа — «Александр Ивановичу Герцену. М. Железнов»; в левом верхнем углу — рукой Таты: «1926. Дорогому моему Леонарду Рист. Наталья Герцен 20-го ноября. Лозанна». Интересно, что книга была первым переводом на русский язык фрагментов много-томного труда выдающегося живописца, архитектора и писателя итальянского Возрождения, а переводчиком оказался человек из числа деятельных почитателей и последователей Герцена. Ученик К. Брюллова, один из пенсионеров Академии художеств, связанный во Флоренции с Н. Г. П. Забелло и дру-гими людьми герценовского круга, Железнов вступил в переписку с Герценом и Огаревым. Впрочем, она преследовала и деловые цели.

Уже в 1866 году речь шла о печатании в Вольной типографии новых частей перевода. В письме к сыну Герцен просил: «Железнову» скажи, что печатать можно всячески — с именем и без имени (по соображениям конспирации. — И. Ж.)... Можно даже выставить фирму в Германии (с дозволения) — разумеется, у нас печать обойдется дешевле».

И вот после двух первых книг, напечатанных в Лейпциге в 1864 и 1865 годах, появилась в 1867 году сразу часть четвертая — небольшая книжечка без указания типографии и места издания, но их выдавал... привычный шрифт Вольного герценовского станка.

Так было разыскано и новое издание Вольной русской типографии, не занесенное ни в один справочник Вольного книгопечатания.

В архиве А. Риста обнаружилось и множество новых писем. Некоторые тексты были известны и раньше, но автографами мы не располагали. В 30-томном собрании сочинений писателя о его письмах, например к французскому историку Ж. Мишле или к переводчице, воспитательнице Ольги Герцен — М. Мейзенбург, говорилось: «Местонахождение автографа неизвестно».

К Ристу перешли самые сокровенные бумаги из архива семьи.

«Как видите, дорогие друзья, я попыталась совершить переезд раньше, чем следовало бы...» Страшные слова из предсмертного письма 17-лет-

ней Лизы, дочери Герцена и Н. А. Тучковой, не пережившей всех трагедий семьи и своей собственной юношеской трагедии — страстной, безнадёжной влюбленности. Судьба девочки впечатлительной, своенравной, даровитой и требовательной, воспитывавшейся в одиночестве в семье в обществе матери, без ума ее любившей и без конца терзавшей, постоянно волновала Герцена. Он чувствовал, что надо «спасти Лизу — в ней сила огромная». И не смог.

Письма Лизы к Ш. Летурно являют редкий образец любовной переписки. «Как! Ни одной строки! Где вы? Что вы? Подайте о себе хоть знак...» — обращалась она к Летурно за два месяца до гибели. Это неизвестное ранее письмо хранилось у Риста, как и письмо от племянницы матери Герцена А. Суццер, ставшей свидетельницей кораблекрушения 16 ноября 1851 года, и маленькие записки Саши Герцена: «Милому папаше», — с разрезающими детскими буквами, письма Н. А. Герцена к юной Тате с забавными картинками и припиской Герцена: «Папа также целует свою Тату». Одно письмо от 11 июля 1851 года из Турина, и внимательный читатель «Былого и дум», без сомнения, свяжет его с «туринским примирением» Герценов.

Когда Леонард Рист передавал для возвращения на родину эти многочисленные письма и документы своей троюродной сестре Н. П. Герцен, он сказал: «Я вручаю тебе, Наташа, всю мою жизнь».

МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ ИЗВЕСТНО

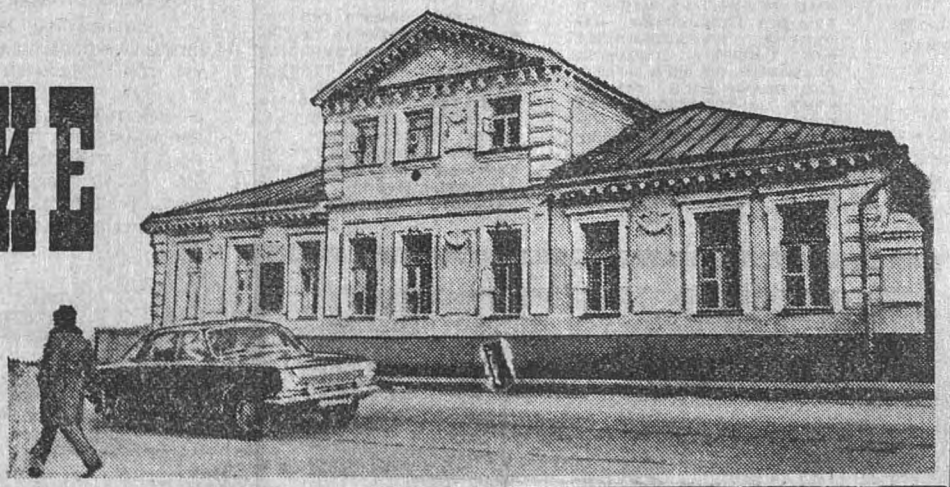
Если в новом году вы войдете в старый герценовский дом на Сивцевом Вражке, то с порога вас встретят Луиза Ивановна и Иван Алексеевич — те «дергерровские» работы Летунова, что некогда были скопированы Татой. Портреты Александра Ивановича Герцена и Натальи Александровны будут сопровождать вас по всей экспозиции. Вы рассмотрите книги, увидите тот самый браслет и то яковлевское кольцо.

Если вы спросите о рукописях, то в копиях они в музее, готовятся к публикации целым коллективом исследователей в новых герценовских томах «Литературного наследства». Оригиналы же рукописей вскоре найдут свое место в государственном архивохранилище.

И. А. ЖЕЛВАКОВА, заведующая Музеем А. И. Герцена, кандидат исторических наук

СТОЛЬ ДОЛГОЕ ОТСУТСТВИЕ

Новые поступления в
московский Дом Герцена
на Сивцевом Вражке.

МУЗЕЙНЫЕ БЫЛИ

Читателю надо напомнить, что в ту жестокую для Герцена пору, после тяжчайших крушений «частных и общих» — после гибели матери, сына, жены, после поражения европейских революций прибило его к берегам Альбиона, и то был первый новый год, встреченный им на английской земле. Он жил тогда «в одном из лондонских захолустьев, близ Примроз-Гилла, отделенный от всего мира далью, туманом и своей волей». Но были здесь свои преимущества — тишина и вид из окон на ухоженный Риджент-парк. Если пере-сечь его и выйти на нескончаемую Риджент-стрийт (как показано на плане, приложенном к одному из герценовских писем), то сразу окунешься в деловую суету столичной улицы с многочисленными вывесками, в том числе и нескольких фотографических заведений. В одном из них, в доме

Поскольку снимок сделан в Лондоне, то, значит, скорее всего, в конце 1852 — начале 1853 года, когда в аллеях Риджент-парка встречали человека, которому согласно паспорту было всего лишь сорок.

Но портрет передавал не годы, он передавал, говоря точным герценовским словом, «невзгодья». Он запечатлел состояние обретающего веру в возможность жить снова, что означало для Герцена только одно — работать. Он выстоял, взявшись за исповедь, за «Былое и думы», главную книгу своей жизни, которая смогла хоть частью «заменивать», воскресить «и людей и утраченное». Ме-муарам нужны реалии прошлого. Ощущения и образы «молодого времени» обрели бы плоть от прикосновения к невоспомому листку старого письма, книге, оставленной где-то на европейских перепутьях, ожили бы вблизи от старомодного портрета, скажем, кого-нибудь

ем московском доме на Сивцевом Вражке в полной уверенности, что скоро туда воротится. Вспомнил и просил прислать.

Не сразу откликнулись «московские» — просит посдействовать Марию Каспаровну Рейхель, неизменную и почти единственную в те годы помощницу: «Вам, я думаю, из вашего сельца (Рейхель жила тогда в имении мужа в Пруссии. — И. Ж.) легче писать московцам, так не забудьте о портретах Тат^{ьяны} Ал^{ексеевны} написать. Да и дергерровские Летунова работы можно бы выписать».

Портреты пришли ко дню рождения Герцена, 25 марта, но... спустя семь лет, в 1862 году.

Они возвращали детство, тот фантастический, уродливо-патриархальный домашний мир, где обитали его отец — капризный и вечно недовольный старик, мать — кроткая Луиза, семнадцати лет окунувшаяся в грозную

портретов кем-то (не Татой ли?) были сделаны копии маслом.

Да, копии были сделаны Татой, которая в ту пору училась живописи в Италии. Оригиналы вряд ли вернулись к ее отцу. В начале XX века они обнаружались у вдовы А. А. Герцена-сына Терезины (и теперь находятся в Швейцарии у правнука писателя — Сержа Герцена). Владельцем же копий стал другой правнук — Леонард Рист, получивший их от самой «тетки Таты».

Летом 1982 года правнучка Герцена — Наталья Петровна Герцен, так много сделавшая для возвращения на родину герценовских реликвий, в последний раз вошла в версальский дом А. Риста, опустевший после смерти хозяина, поднялась в его кабинет... Со стен смотрели знакомые лица: отец Герцена — Иван Алексеевич, мать — Луиза Ивановна, жена — Наталья Александровна. На стенах выстроились русские книги. Вдова Лео-

В 1837 году Наталья Александровна писала своему будущему мужу: «Глядя на твои письма, на портрет... думаю о моих письмах, о браслете, — мне захотелось перешагнуть вперед лет за сто и посмотреть, какая будет их участь на земле?»

Спустя полвека Е. С. Некрасова, одна из первых собирательниц герценовского наследия, побывала у детей Герцена и описала реликвии семьи. Но прошло еще полвека — и многие из них исчезли из поля зрения.

Не обнаруживался, например, «маленький образок в ризе с изображением Александра Невского», которым «благословил» Наталью Александровну отец, умирая». Не было ничего известно ни о серебряной коробочке для марок, принадлежавшей Герцену, ни о золотом кольце с выгравированной внутри английской надписью «И. Яковлев. Лондон. 1800», явно напоминавшем о визите «дергерра» на берега Аль-

«похищения» Герценом своей невесты. Наталья Александровна приписала Астраховой: «Как мы превосходно провели... 8 мая... Первый тост был Кет^{чера}», потом твой... потом за всех участвующих в устройстве нашего счастья, пили за Г^{рановских}», их помолвка в этот день, и, бывало, мы всегда проводили вместе его и вырезывали это число на наших браслетах: нынешний год не будет вырезано, оттого что мы не вместе праздновали». Значит, браслет принадлежал Н. А. Герцен, был свидетелем лучших дней жизни Герценов в московском доме на Сивцевом Вражке...

Впервые все эти сокровища мы рассматривали на «Соколе» в квартире Н. П. Герцен. Показывала она и тяжелый агатовый медальон с выпуклым изображением Полярной звезды на крышке и с портретом прадеда внутри (Тата, очевидно, заказала его после смерти отца). Показывала книжку дека-

* Я выстою (франц.).

Лит. газет 1984, 11 авг